

УДК 101.9

ФИЛОСОФИЯ Д. ЛАКАПРЫ: ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И КАТЕГОРИИ¹

В. П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Подчеркивая значимость интеллектуальной истории, Д. ЛаКапра стремится расширить ее границы посредством использования идей новой литературной критики, психоанализа, деконструкции, теории травмы, лингвистического поворота. Центральным понятием философии Д. ЛаКапра является травма, позволяющая радикально преобразовать контекстуальность интеллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации значений и тем исследований.

Ключевые слова: интеллектуальная история, травма, возвышенное, прорабатывание, нарратив, лингвистический поворот.

Развитие интеллектуальной истории как самостоятельного направления научной мысли связано с теоретическими и исследовательскими поисками, конституированием исследовательских полей интеллектуальной истории и культурной истории и изучением интеллектуальной деятельности в ее социокультурном контексте. Доминик ЛаКапра – известный историк США, работающий в жанре интеллектуальной истории. Разделяя общую интенцию постмодернистского дискурса, ЛаКапра, тем не менее, верит в рациональность историографии, в референциальный детерминизм и акцентирует внимание на категориях единства, порядка, тождества [3, с. 45]. Для ЛаКапра проблема институциональных границ интеллектуальной истории играет ключевую роль в определении предмета и метода исследования. Он ориентирован на взвешенный анализ, критически дистанцированный по отношению к интеллектуальному «мэйнстриму», нежели на сильную интерпретацию [5, с. 32].

ЛаКапра некоторое время рассматривался как последователь Ж. Дерриды и Х. Уайта, несмотря на все различие их представлений и концепций. Процедура деконструкции, стимулируя развитие многочисленных прочтений, позволяет выявить разногласия и разночтения в повествовании и открывает новые возможности для интеллектуальной истории [11, р. 211]. ЛаКапра, как и Уайт, использует методологию литературной критики в целях расширения границ интеллектуальной истории, подчеркивает неизбежное применение нарративных структур в репрезентации исторического знания, и в тоже время утверждает, что категории исторического анализа не должны восприниматься как данность. Уделяя специальное внимание среднему залогу, как дискурсу, в котором субъект действия также является его объектом, ЛаКапра называет его наиболее подходящим лингвистическим инструментом для преодоления травмы, поскольку он делает травматический опыт доступным нам и перманентно смешивает голос историка с объектами анализа [6].

---

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

В центре внимания ЛаКапры стоит переформулирование взаимоотношений между текстами и их контекстами. Цель философа заключается «в разработке более тонкой, критической и самовопрошающей интеллектуальной истории, истории, не ограниченной исключительно критическо-теоретической саморефлексией, не являющейся подчинённой теоретической ориентации и не занимающейся переработкой прошлого с точки зрения современности, современных концепций и методов» [11, р. 197]. Основная задача современной интеллектуальной истории, тем самым, заключается в выработке новых подходов. Они могут быть конституированы посредством использования воззрений новой литературной критики, психоанализа, деконструкции, теории травмы, теорий Франкфуртской школы.

ЛаКапра заинтересован в исследовании интерпретации и интерпретационных практик. Он стремится не только понять, как они действуют, но включиться в эти механизмы и соотнести их с наиболее сложными проблемами, возникающими в процессе прочтения. Признавая важность контекстов, мыслитель обращает внимание на их множественность, конфликтность, или, по крайней мере, проблематичное соотношение друг с другом. Поэтому основным вопросом для ЛаКапры является взаимодействие текста и контекста. Любое допущение, что один контекст или набор контекстов являются особо значимыми, должно быть четко сформулировано и аргументировано. Другой существенный вопрос состоит в том, как тексты согласуются с различными контекстами, поскольку даже стереотипные, шаблонные и вульгаризированные тексты (такие, как политическая пропаганда, реклама и бульварная пресса) не просто отражают или иллюстрируют контекст, но воспроизводят его с типическими легитимирующими идеологическими эффектами. Поэтому общий вопрос, который может быть задан для любого текста, заключается в том, как именно этот текст относится к разнообразным контекстам [8, р. 430-431]. По мнению ЛаКапры, историк работает преимущественно с контекстом и выстраивает текст во многом на его основе. Следовательно, важно правильно «собрать контекст», превратить его в определенность, предотвращающую ощущение «разлома» текста; необходимо найти правильный баланс текста и контекста, определить верную стратегию прочтения контекста, выяснить, что именно может служить контекстом. Философ также отрицает понятие неизменного целого контекста, настаивая на преимущественном отношении «текст – читатель» [3, с. 47].

Важным методологическим приемом ЛаКапры является диалог, во многом основанный на идеях М. Бахтина. Диалог представляет собой одновременно интеллектуальное и социальное взаимодействие «на равных» между исследователем и объектом его изучения, а также между разными исследователями. Поэтому даже если участники диалога – «собеседники» ЛаКапры – меняются, сам его метод практически не изменяется [5, с. 41]. ЛаКапра постоянно подчеркивает важность диалогического обмена, связь между реконструкцией прошлого и диалогом, а также ситуативность диалога. По его мнению, исследователь всегда начинает с попытки понимания явлений или действий, которые уже находятся в определенном взаимодействии с окружающими их силами, и именно эти взаимодействия представляются важными для исследования и понимания явлений [8, р. 427–428]. Основная мысль ЛаКапры заключается в том, что человеку следует рассматривать отношения между текстом и контекстом в терминах интеракции [8, р. 435]. Более того, по мнению мыслителя, человек должен конструировать собственную пози-

цию как включенную в эту интеракцию, по отношению к которой текст, контекст, читатель и субъект являются более или менее полезными абстракциями.

ЛаКапру часто рассматривают как представителя лингвистического поворота, но он никогда не рассматривает данный поворот в терминах буквального пантекстуализма, а подразумевает под ним обозначение практик во всех сложных и взаимодействующих формах [11, р. 195]. Более того, по его мнению, лингвистический поворот не должен отождествляться с нарративным поворотом, хотя нарратив является значимой социальной практикой, требующей тщательного исследования. Поворот к нарративу в историографии, философии и литературном критицизме, по его мнению, – это выдающееся событие, свидетельствующие о неудовлетворенности чрезмерно сциентистским и аналитическим подходом. Но сведение лингвистического нарратива к нарративному и истолкование повествования как основного приема человеческого разума (например, у Ф. Джеймисона, Ж-Ф. Лиотара, П. Рикера, Х. Уайта) является достаточно спорным. Еще более сомнительной, с точки зрения ЛаКапры, является попытка сведения ненарративных жанров (эссе, лирики, статистического анализа, полемики, пародии, сатиры, диалога) к нарративу как мнимому предтексту. Подобные утверждения основываются на чересчур общем понятии нарратива [11, р. 220]. Более того, не весь дискурс представлен нарративом, поэтому существенной проблемой является взаимосвязь нарратива и других типов дискурса.

В фокусе внимания ЛаКапры находятся проблемы понимания и репрезентации исторических событий постсекулярного общества. Центральным понятием философии Д. ЛаКапры является травма. Изучение травмы является одной из наиболее значительных и в тоже время противоречивых областей в психоанализе, истории, критической теории. Травма всегда играет ключевую роль в анализе свидетельств выживших в геноцидах, чрезвычайных ситуациях. Профессор Йельского университета Ш. Фелман назвала XX в. посттравматическим, поскольку основная дискурсивная модель, присущая современности – это свидетельство. Другие исследователи, такие как Дж. Хартман и А. Ассманн представляют свидетельства очевидца как новый создающийся жанр, который характеризует нашу эру [10, р. 60]. С точки зрения Й. Рюзена, размышление об истории должно стать процедурой скорби, т. е. оно обращается к травматическому характеру исторического опыта прошлого столетия [12]. Сегодня такие понятия как «свидетельство», «посттравматический стрессовый синдром» и «историческая травма», предложенные для исследования историко-культурного состояния сообщества, широко используются учеными и составляют один из самых динамичных разделов – *trauma studies* [4].

Травма, с точки зрения ЛаКапры, представляет собой своего рода сокрушительный опыт, искажающий память, делающий ее уязвимой и ошибочной. «То, что мы называем травматической памятью, по сути, является симптомами травматического опыта: это ночные кошмары, флешбэки, испуг, страх, компульсивное поведение» [10, р. 192]. Свидетельства очевидца являются одновременно пугающими и аутентифицирующими, поскольку они несут следы, не будучи полностью поглощенными и искаженными, в виде симптоматических эффектов травмы. Основная проблема состоит в определении того, каким образом элементы травматического опыта вписываются в события и исторический опыт людей [*ibid*, р. 193].

ЛаКапра предполагает, что феномен травмы – это тот объект исследования, который позволяет радикально преобразовать контекстуальность ин-

теллектуальной истории и поставить новые проблемы реконфигурации значений и тем исследования. Травма становится своего рода всепоглощающим «контекстом», стирающим эмпирическую релевантность других контекстов, поскольку открывает историю для непредсказуемости и жуткого [3, с. 53].

Обращаясь к проблеме разграничения травмы и возвышенного, ЛаКапра констатирует превалирование идеи трансформации травмы в сакрализованное или возвышенное в современном дискурсе, например, в работах С. Фридландера, С. Жижека, Дж. Агамбена, Ф. Анкерсмита. По мнению мыслителя, сакрализация травмы и травматического опыта может быть выражена в их фигурации как возвышенного. Травма также может быть репрезентируема как сопровождаемая возвышенным или экстатическим восторгом, либо как обладающая амбивалентным или даже явно отрицательным характером. Но, с точки зрения ЛаКапры, утверждение о том, что жертва травматического опыта воспринимает его как возвышенный или сакрализованный, является сомнительным. Для жертвы подобный опыт представляет собой скорее смятение, онемение и чувство ужаса. Возвышенное и жуткое может быть рассмотрено как постсекулярный опыт, и ЛаКапра проводит их дифференциацию в контексте травмотропизма. Возвышенное, кантианское по своему характеру, тяготеет к трансцендентности. В противоположность, жуткое, трактуемое в духе Фрейда, включает в себя имманентное, близкое к сублимации. Жуткое и возвышенное по-разному относятся к травме. Жуткое выступает как причина, результат и признаки травмы. Возвышенное может быть рассмотрено как жуткое или обладать эффектами жуткого. В тоже время, жуткое может стимулировать попытки поиска трансцендентного или освобождения от принудительно повторяющихся затруднительных положений, возможно, путем решительного насилия, которое возможно воплотить как возвышенное [10, р. 88]. Тем самым, отношения жуткого и возвышенного можно трактовать как диалектические.

ЛаКапра выделяет два вида травмы – структурную или трансистолическую и историческую. Под трансистолическим он понимает не абсолютное и постоянное, а скорее то, что возникает или утверждается в конкретной исторической обстановке, но постулируется как трансистолическое [9, р. 700]. Трансистолическая травма достаточно ярко репрезентируется в западной культуре и часто формулируется как первородный грех, переход от природы к культуре, отделение от матери, проникновение в язык. Когда структурная травма сводится к событию или фигурирует как событие, человек создает миф, в котором травма вводится в историю, из которой, по-видимому, происходят весь последующий травматический опыт. Структурная травма не может быть излечена и сведена к датированному историческому событию, а ее субъектом являются все [9, р. 722].

Историческая травма является специфической, следовательно, не каждый человек является ее субъектом. Она соотносится с конкретными историческими событиями, значительными утратами и потерями. Примером подобного может Холокост, апартеид, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Подобная травма может выступать в качестве основы для формирования коллективной или персональной идентичности [ibid, р. 724].

Травматические события в исторической травме определены, в то время как структурная травма не является событием, а представляет собой скорее тревожное состояние возможности травматизации. Идеи ЛаКапры являются достаточно дискуссионными. Некоторые исследователи отрицают деление травмы на структурную и историческую: историческая травма, также как и структурная, не

может быть «излечена» или «сведена к одному датированному историческому событию», поскольку история травматична и наполнена событиями [13]. Анкерсмит, характеризуя западный исторический дискурс, отмечает, что он детерминирован драматическими событиями истории. Западная цивилизация для Анкерсмита сама по себе является субъектом травмы. Травма при этом трактуется как неспособность пережить или ассимилировать травматический опыт, включив его в историю жизни. Вместе с травмой возникает не столько открытость к страданию, сколько определенная нечувствительность, «как будто вместилище страдания перестало отвечать истинной природе и размерам этого страдания». Коллективное страдание, по мнению Анкерсмита, стало внешней частью западной культуры и нашло отражение в историописании [1, с. 482–483].

В культуре XX в. травма существует в модусе множественности, сочетая в себе, по мнению ЛаКапры, структурное *отсутствие* (absence) и исторические *утраты* (loss). Отсутствие и утрата перетекают друг в друга и взаимодействуют различными способами в конкретной ситуации: структурная «прореха» принадлежит «историческим» и «культурным» особенностям цивилизации, а все ужасы темного настоящего – наследие чудовищного прошлого и базис для апокалиптического либо утопического будущего [4]. Отсутствие как фундаментальный уровень не может быть просто выведено из частных исторических утрат. Когда отсутствие преобразуется в утрату, возрастает вероятность неуместной ностальгии или утопической политики в поисках новой тотальной или полностью объединенного сообщества. Когда утрата преобразуется в отсутствие, человек находится в состоянии непрекращающейся меланхолии и невообразимой скорби [9, р. 698].

Философ не рассматривает утрату–отсутствие как бинарные оппозиции, но провозглашает необходимость их разграничения. Отсутствие и утрата не образуют бинарность, в которой оппозицией отсутствия является присутствие, а утраты – приобретение. Присутствие часто идентифицируется или коррелирует с приобретением, и присутствие/приобретение, в целом, могут быть бинарной оппозицией для отсутствия/утраты. Тем не менее, при исследовании травмы проблема, которая не может быть сформулирована в бинарных терминах, дает возможность для взаимодействия и расширяет исследовательское поле. Наиболее сложным вопросом в этом случае будет поиск критериев дифференциации, которые не будут функционировать как бинарные или явные дихотомии [ibid, р. 700]. В случае смешения отсутствия и утраты происходит меланхолический паралич или маниакальное возбуждение, и в этом случае значение и сила определенных исторических потерь могут быть ошибочно обобщены. Более того, смешение утраты и отсутствия способствует присвоению травм теми, кто не был им подвержен [ibid, р. 712].

Идентификация отсутствия, по мнению ЛаКапры, необходима, поскольку это открывает различные возможности и стимулирует поиск способов работы с исследуемыми проблемами. К примеру, отсутствиерая отличается от утратырая. В этом случае, рай не может быть рассмотрен как уничтоженный только для того, чтобы быть восстановленным в надеждах, апокалиптическом будущем или возвышенной утопии, которые принесут тотальное обновление, спасение или искупление. При отсутствиирая как категории, каждый должен обратиться к иным, неискупительным способам, которые не опустошают прошлое и не обезличивают

будущее. Признание и утверждение отсутствия требует признания неясной природы окончательных решений и тревоги, которая не может быть исключена из самосознания или спроецирована на других [ibid, p. 706].

Отсутствие представляет собой трансисторическую категорию и обычно абстрактно; это то, что никогда не существовало. В этом трансисторическом смысле отсутствие событием не является, равно, как и не подразумевает под собой темпоральности. Отсутствие, по словам ЛаКапры, – это отсутствие абсолюта, который не может сам по себе быть абсолютизирован и фетишизирован. Утрата ассоциируется ЛаКапррой с историческим уровнем, выступая как последовательность определенных событий. Сущность утраты варьируется в зависимости от сущности событий и ответов на их вызовы. Утрата – это специфическая, материальная, прослеживаемая категория, которая может быть ассоциирована с историческим событием, к примеру, со смертью члена семьи на индивидуальном уровне, и с Холокостом в широком контексте. Утрата является собой панораму потерь, которые могут быть нарративизированы, реконфигурированы и транслированы в настоящее или будущее [ibid, p. 699-700].

По мнению ЛаКапры, при нарративизации отсутствие обычно отождествляется с утратой. Структура конвенционального нарратива, связанного с травмой, обыкновенно представляется следующей. Началом является предполагаемый источник, то, что конструируется как вариант полного присутствия, невинности или нетронутости. Серединой нарратива является утрата первоначального состояния в результате испытаний, несчастий, а окончанием – восстановление данного состояния, по крайней мере, на уровне глубинного понимания [ibid, p. 703].

Еще одними небинарными элементами являются два взаимодействующих процесса переживания травмы: «проигрывание» (acting out) и «прорабатывание» (working through), которые являются двумя взаимосвязанными, но аналитически различимыми процессами ответа на утрату или историческую травму. Проигрывание выражается в стремлении к навязчивому повторению. Люди, подверженные такому типу травмы, стремятся возродить прошлое к существованию в настоящем. Другими словами, субъект вновь переживает событие, включая себя как другого в прошлое. «Прорабатывание» выражается в стремлении создать разграничение между прошлым, настоящим и будущим. Само понятие прорабатывания ЛаКапра заимствует у З. Фрейда (durcharbeiten). Предлагаемый ЛаКапррой концепт «прорабатывания» как напряжения между самостоятельными исторической, эстетической и литургической позициями призван, выстраивая дистанцию, препятствовать некритическому воспроизведению «травматического опыта» события [5, с. 16]. Исследователь пытается достичь некоего критического отрыва от прошлого, но это не означает, что он совершенно преодолел прошлое [7]. Прорабатывание травм ведет к их осознанию и смягчению – «примирению» с прошлым. Речь идет не о полном избавлении от травмирующего груза истории, но о существенном смягчении травмы и ее воздействия в настоящем и будущем. Интеллектуальная история ЛаКапры неразрывно связана с психоанализом именно через этот акцент на «проработку» травм, нанесенных историческими событиями [5, с. 17].

ЛаКапра рассматривает скорбь как форму прорабатывания, а меланхолию как форму проигрывания, следуя за фрейдистскими характеристиками, по сути, противопоставляющими меланхолию и скорбь. И как справедливо отмечает М. Джей, ЛаКапра осуществляет наложение двух разных фрейдовских оппозиций: траура и меланхолии и прорабатывания и проигрывания. ЛаКапра, как и Фрейд,

рассматривает меланхолию как приостановленный процесс, в котором депрессивное и травмированное самосознание, заблокированное в компульсивном повторении, одержимое прошлым, встречается с безвыходным положением и остается утраченным объектом. Меланхолия менее связана с внешним миром, и ведет к постоянному самокопанию или неустанному самобичеванию. Скорбь преодолевается и проходит с течением времени [2]. Именно скорбь дает возможность для включения травмы в процессы самоосмысления и самоидентификации, подразумевая иное изменение перформативности: связь с прошлым, в котором признается его отличность от настоящего [9, p. 713].

Итак, ЛаКапра обращается к психоаналитическому дискурсу, лингвистике, эстетической теории, деконструкции, новой литературной критике, стремясь расширить границы интеллектуальной истории, подчеркивая важность переосмысления отношений между текстом и контекстом, настаивая на ситуативности диалога и включенности его в социокультурные практики. По его мнению, категории исторического анализа не должны восприниматься как данность, а методология, используемая исследователем, должна соотноситься с ситуационной смысловой необходимостью и продуктивностью. Подчеркивая фундаментальное значение диалога, ЛаКапра призывает рассматривать проблемы в терминах интеракции, признавая сложные взаимосвязи между историческим и трансисторическим. Интеллектуальная история ЛаКапры неразрывно связана с категорией травмы. При этом восприятие травмы варьируется в зависимости от точки зрения субъекта и контекста, в котором она происходила. Задача историка, в свою очередь, – объяснение того, каким образом трансисторический травматический опыт вписан в конкретный исторический опыт, и какую роль играет травма в ходе человеческого развития, как индивидуального, так и коллективного.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Бойм С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/3725> (дата обращения: 06.05.2018)
3. Кукарцева М.А. Край возможного, или размышления о новой книге Д. ЛаКапры // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 45–60.
4. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/8m.html> (дата обращения: 06.05.2018)
5. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 31–44.
6. Ankersmit F.R. Discourse, an introduction // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009. Kindle Edition.

7. Goldberg A. An interview with professor Dominick LaCapra [Electronic resource]. URL: http://www.yadvashem.org/odot_pdf/Microsoft%20Word%20-%203648.pdf (accessed: 04.05.2018).
8. LaCapra D. Intellectual history and its ways. [Electronic resource]. URL: <http://xroads.virginia.edu/~DRBR2/lacapra.pdf> (accessed: 05.05.2018).
9. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // *Critical Inquiry*. Vol. 25, No. 4. P. 696–727.
10. LaCapra D. Traumatopisms: From Trauma via Witnessing to the Sublime? // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 59–89.
11. LaCapra D. Tropisms of Intellectual History // *History and Its Limits: Human, Animal, Violence*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. P. 190–224.
12. Rusen J. Mourning by History – Ideas of a new element in historical thinking [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/ruzen_mourning.htm (accessed: 05.05.2018).
13. Seeburger F. The History of Trauma, the Trauma of History [Electronic resource]. URL: <https://traumaandphilosophy.wordpress.com/2008/12/19/the-history-of-trauma-the-trauma-of-history/> (accessed: 05.05.2018).

D. LACAPRA'S PHILOSOPHY: BASIC CONCEPTS AND CATEGORIES

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Emphasizing the importance of intellectual history, D. LaCapra seeks to expand its boundaries through ideas of new literary criticism, psychoanalysis, deconstruction, theory of trauma, linguistic turn. The central concept of D. LaCapra's philosophy is a trauma that allows to radically transform the contextuality of intellectual history, and put new problems of reconfiguration of meanings and themes of research.

Keywords: *intellectual history, trauma, sublime, study, narrative.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – ассистент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Assistant Prof. of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.